

Доклад подготовлен Московским государственным институтом
международных отношений (университетом)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
к специальной сессии XIV ежегодного заседания
Международного дискуссионного клуба «Валдай»
«100-летие русской революции 1917 года»

А.В. Торкунов, Б.Ф. Мартынов

1917 год: ИСТОКИ И СМЫСЛЫ

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

Москва, октябрь 2017

Содержание

<i>Вступление</i>	2
Изучая Великую русскую революцию	4
«Две правды» 1917 года	11
1. «Февраль – октябрь»	11
2. Брест – Версаль: «Мир народам!»	15
3. Еще раз о «праве наций на самоопределение»	17

ВСТУПЛЕНИЕ

Современное российское общество нелегко примиряется со своей историей. Оно либо предпочитает видеть в ней череду побед и свершений, либо самоуничижительно акцентирует её темные стороны, иногда представляя свою страну как бы выпавшей из «прогрессивно направленного» исторического времени. Наверное, пора уже отказаться от образа России как страны с «непредсказуемой историей». Пора иметь мужество узнать правду о прошлом, чтобы сделать из него выводы, способствующие движению общества по пути стабильного развития.

В современном историческом сознании функционирует много мифов о революции, гражданской войне и о советском прошлом. Известно, что мифы, в том числе политические, являются естественными элементами исторической памяти. Миф — часть истории любого государства, любой нации, и совершенно нормально, что люди не хотят с ними расставаться. Многие мифы являются оселками национального самосознания. Об эпохе Александра Невского или Ивана III сохранилось не так уж много документов. И многим великим русским историкам, прежде всего Карамзину, приходилось опираться

не только на них, но и на сложившиеся мифы о тех или иных событиях. К сожалению, однако, акцент у нас часто делается на мифах не объединяющих, а разделяющих наше общество. По-прежнему непримиримы сторонники красных, белых и других сил, действовавших в революции и гражданской войне.

Если говорить о новейшей истории России, то здесь документов и свидетельств самого разного рода, разумеется, хватает. Причем многие из них, как говорится, «еще ждут своего пытливого исследователя». Но, изучая документы и объективные свидетельства, не стоит забывать, что Россия — особая страна. Об этом говорил еще А.С. Пушкин, особо подчеркнув, что любое насилие, в конце концов, ведет к усилению сопротивления и бунту, порой «бессмысленному и беспощадному».

В такой многонациональной, мультиконфессиональной, да и вообще громадной и сложной стране, как наша, всегда существует опасность разбалансировки. Не стоит забывать и события совсем недавнего прошлого: «парад суверенитетов», чеченскую войну... Не случайно такой глубокий знаток России, как О. Бисмарк считал, что ее нельзя завоевать, но можно «разложить изнутри».

Каким же должен быть подход к изучению столь сложных и эмоционально-окрашенных событий прошлого нашей страны?

Мне думается, что лучшим подходом может быть популяризация замечательных художественных произведений о том времени. Только теперь уже безо всякого идеологического сита. Здесь должны быть Алексей Толстой и Иван Бунин, Маяковский и Гумилев... Этот период мы должны сегодня воспринять со спокойных позиций, понимая всю трагичность прошлого нашей страны. Большую роль в правильной расстановке нами акцентов призвано сыграть самоосознание нас как людей XXI века с «поправками» на «генную память» и приобретенные исторические знание и опыт.

Вспомнил, как недавно по WhatsApp получил маленький отрывок из фильма «Ленин в Октяб-

ре». Там есть беседа Ленина с рабочим Василием, которого играет известный в прошлом артист Охлопков. Он зачитывает Ленину письмо из деревни. Пишут, что мужики не знают, как поступить: забирать у помещиков землю или не забирать? Ленин говорит: «Забирать, забирать!» — «А с помещиками что? Мы их, пишут, всех сначала арестовали, а потом подумали и всех поубивали». И на это Ленин замечает: «Толковое письмо!» Мы видели этот фильм, наверное, сотню раз, но тогда этот эпизод проходил как-то незаметно. А теперь у нас открываются глаза... Раз мы на это обращаем внимание, значит, многое в нашем сознании изменилось к лучшему.

*Ректор МГИМО МИД России
академик А.В. Торкунов*

ИЗУЧАЯ ВЕЛИКУЮ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Академик А.В. Торкунов

Для России революционные события вековой давности — существенная и неотъемлемая часть национальной истории, на десятилетия определившая экономическое, научное и культурное развитие нашего государства. Много десятилетий в общественном и научном сознании имело место разделение событий 1917–1921 гг. на буржуазно-демократическую Февральскую революцию, период двоевластия, Октябрьскую революцию и Гражданскую войну. В общественном сознании до сих пор широко распространён тезис, а точнее политическая догма 1930-х гг., о двух принципиально разных революциях: «ущербной» буржуазной в феврале и «настоящей» социалистической в октябре 1917 г.

Новая концепция этого процесса как Великой русской революции акцентирует внимание на том, что события февраля и октября 1917 г.: падение монархии и установление республики, Корниловский мятеж, выборы в Учредительное собрание, установление советской власти и кровопролитная Гражданская война — всё это были этапы единого процесса, который в силу разных причин достиг крайней радикализации.

Понятие «Великая русская революция», не так давно введённое в оборот, носит естественно-исторический характер, а не является «игрой в слова». Такое определение позволяет точнее позиционировать российскую революцию в ряду революций нового и новейшего времени. Ко времени её свершения в Европе уже около четырёх веков развивался процесс масштабной исторической модернизации — трансформации традиционного аграрно-ремесленного общества, характерного для Средневековья, в индустриальное общество Нового времени, т.е. осуществлялось постепенно движение Европы (прежде всего Западной) к так называемой *Современности* (modernity). Этот переход и выдвинул Европу в авангард исторического развития.

Важнейшими вехами, обозначившими этапы этого движения, были «классические» революции Нового времени (нидерландская, английская, революция американских колоний, французская). Определённую роль сыграла и Реформация (500 лет с её начала мы будем отмечать в октябре этого года). Основные позиции проекта Современности были сформулированы Просвещением. Централь-

ной стала идея прогресса, который может быть осуществлён с помощью рационалистического моделирования общественного, политического, экономического, цивилизационного и культурного развития. В качестве важнейших составляющих проекта Современности назывались индустриальное производство, правовое государство, гражданское общество, рациональная свободная личность, права человека, определённая система ценностей. Вместе с тем указывалось и на возможность рационально предусмотренной насильственной ориентации движения общества по пути прогресса, формирования рационалистически обоснованных общественных моделей и их революционного воплощения. Собственно говоря, так осуществлялась Великая французская революция, чьи идеологи и вожди стремились обуздать революционную энергию масс, направить её в русло заданного «проекта». Напомню, что французская революция включала в себя разные фазы: от конституционной монархии до директории, с выделением периодов, когда у власти находились жирондисты, якобинцы, термидорианцы, т.е. — 10 лет: от 1789 до 1799 г.

Российская революция продолжила эту линию. Это было характерно как для её начала — Февральской революции, в ходе которой попытка обращения России на путь либеральной демократии завершилась неудачей, так и для её следующей стадии, когда В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и их соратники сумели направить готовый к бунту народ в прокрустово ложе марксистской парадигмы развития.

О сущности российского революционного процесса, его своеобразии и причинах написаны тысячи исследований. В них упоминаются драматическое положение на фронте, тяжёлое экономическое положение, разрушение для сотен тысяч крестьян (которые составляли подавляющее большинство населения) привычного для них уклада жизни, неспособность города ассимилировать тысячи мигрантов из деревень, нарастание социальной мобильности населения в условиях общей дезорганизации в обстановке войны и пр и пр. Однако к 1917 году наша страна оказалась на пороге такого исторического саморазрушения, которое, несмотря на вышеуказанные обстоятельства, казалось, не имело достаточно веских оснований. Ещё совсем недавно в России успешно шла модернизация, развивалась экономика. И хотя положение на фронтах было тяжёлым, но, по сравнению со странами-союзниками, Россия не выглядела самой «усталой». Напомним, что в большинстве из них ввели продовольственные карточки, тогда как в России ограничения касались только сахара, да и то по причине борьбы с самогоноварением...

Основная причина была в том, что в крупных городах, прежде всего — в Петрограде, затянувшаяся война и связанные с ней жертвы и лишения, перебои с поставками хлеба и т.д., к февралю 1917 г. вызвали высокое «точечное» напряжение. Революции происходят, как известно, в первую очередь, в городах, а потом уже втягивают в себя, как было и в российском случае, крестьянство...

К тому же в стране наблюдался раскол среди правящей элиты, ставший заметным уже к 1915 и 1916 годам. К 1917 году он усугубился кризисом доверия к верховной власти и монархии со стороны основной массы населения. Даже люди близкие к императору и члены императорской фамилии не могли договориться между собой. Ярким и резонансным проявлением этого кризиса стала речь лидера кадетской партии П.Н. Милюкова в ноябре 1916 г. в Госдуме, который не исключил возможности государственной измены со стороны ближайшего окружения императора. Доверия к власти не добавляла и правительственная чехарда. Мрачной тенью ложилась на императорскую власть распутинщина. Значительно ослаб авторитет православной церкви, всегда игравшей в истории России центральную роль. Внимательный внешний наблюдатель, французский посол Морис Палеолог уже в конце 1916 г. характеризовал ситуацию в России как преддверие хаоса. Он констатировал неспособность властей и их противников к компромиссам, утверждая, что в сложившейся ситуации можно понять «посох Ивана Грозного» и «дубинку Петра Великого». В этом свете точной и глубокой видится мысль А. Солженицына о том, что «революция — это хаос с невидимым стержнем. Она может победить и никем не управляемая»¹.

В февральские дни практически все, в том числе и представители высшего генералитета, отвернулись

¹ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. Черты двух революций. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2017, с. 13.

от Николая II, бросили его. «Кругом предательство и обман», — записал он в дневнике. Крепость монархической власти оказалась иллюзией, большинство народа быстро и безжалостно отвернулось от неё, несмотря на то, что до победы в мировой войне оставалось уже совсем немного. Анализируя события тех лет, У. Черчилль писал: «Ни к одной из наций судьба не была так неблагоприятна, как к России. Её корабль пошёл ко дну, уже видя перед собой порт. Она вынесла шторм, когда на чашу весов было брошено всё. Все жертвы были принесены, все усилия предприняты... С победой в руках она рухнула на землю, съеденная заживо, как Ирод давних времён, червями»². Конечно, оценка Черчиллем потенциала России к самовосстановлению субъективна, но ситуация 1917 г. виделась ему, да и многим другим именно так.

Самодержавие рухнуло фактически в одночасье, как будто не было столетий «богоизбранной власти», когда страной безраздельно правил «помазанник божий». Рухнуло полностью и бесповоротно, несмотря на, казалось бы, давно обсуждавшийся различными политическими силами «промежуточный» вариант конституционной монархии (некоторые её элементы уже присутствовали в политической системе). Оказалось, что к 1917 г. в стране не оказалось ни военной, ни социальной силы, к которой монархическая власть могла бы обратиться за дееспособной поддержкой. По существу, против уличного насилия не выступил никто, кроме

² Churchill W. The World Crisis. 1914–1918. Vol. 1. New York: Charles Scribners Sons, 1927, p. 227.

жандармов, на которых и обрушился гнев толпы в феврале 1917 г. К тому же, не стоит забывать о том, что в Петрограде находилось 160 тыс. солдат, подготовленных к отправке на фронт, но, по сути, брошенных из-за нехватки офицеров. Не говоря уже о тысячах скопившихся в столице дезертиров. Это была страшная сила.

Война была лишь катализатором замедленного процесса трансформации социально-экономической и политической системы России. Ход событий в феврале-октябре 1917 г. определялся многими глубинными социально-экономическими факторами, характерными для развития страны во второй половине XIX в. В ней всё ещё отсутствовал скольконибудь мощный и многочисленный слой собственников. Не было единения и между господствующими классами — дворянством и буржуазией: дворянство уже растеряло своё экономическое господство, а буржуазия не получила его ни в экономическом, ни тем более в политическом плане. Речь шла, прежде всего, о национальной буржуазии, и цифры это подтверждают: в собственности иностранных предпринимателей находились 90% шахт; на 50% им принадлежали предприятия химической промышленности, на 40% — металлургические, на 30% — текстильные. При том, что по объёму промышленного производства Россия в 1913 г. занимала пятое место в мире, уступая лишь США, Германии, Англии и Франции, индустриализация была ещё далека от завершения: в структуре национального дохода доля промышленности и строительства составляли чуть более 29%, тогда

как доля сельского хозяйства — около 56%. И наконец, самое главное: в деревне ещё не произошло глубокого расслоения крестьянства, там только-только начал складываться слой «крепких хозяев» — сельской буржуазии. 1917 год был очередным этапом реализации земельной реформы, и массовое дезертирство с фронта в немалой степени было обусловлено тем, что люди хотели вернуться домой и участвовать в переделе земли. Ситуация в стране усугублялась, к тому же, наличием на необъятной территории громадных и беспокойных «национальных окраин».

Зато в достатке были политические силы, готовые «спрямить» революцию. Эти силы, раздробленные на враждующие группировки, были настроены решительно и руководствовались утопическими идеями радикальных преобразований. Их не устроило то, что уже первое Временное правительство под председательством князя Г.Е. Львова приняло важнейшие решения, о которых давно мечтали все либерально настроенные слои российского общества: объявление политической амнистии, отмена сословий, религиозных и национальных ограничений, провозглашение всеобщих выборов, выборы в органы местного самоуправления, равноправие женщин, полная отмена цензуры (и это в военное-то время!) Однако либерально-демократические ценности не смогли гарантировать стабильность. Слишком велика была поляризация общества. В революционный процесс стремительно втягивались массы вооруженных рабочих и солдат, а также крестьян, возвращавшихся с фронта. Призна-

вая провал либеральной идеи в России, П.Н. Милюков был вынужден заявить: «История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю... Спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних месяцев ясно показали, что народ не способен был воспринять свободу...»³.

Неспособность Временного правительства оказалось для России катастрофичным: созыв Учредительного собрания утонул в бесконечных дискуссиях и спорах. Может быть, если бы оно было создано сразу после отречения императора, когда общество еще не отличалось такой степенью радикализма, который появится к октябрю, то правительство успело бы, наверное, вовремя легализоваться, и небольшая, но сплоченная группа большевиков не использовала бы двоевластие в своих интересах. Явным политическим неудачником оказался глава Временного правительства эсер А.Ф. Керенский.

К июню 1917 г. стала очевидной полная неспособность Временного правительства создать хотя бы видимость социального порядка. Двоевластие: Временное правительство — Петросовет было своеобразной попыткой установления некоей квазигосударственности, впрочем, очень скоро также обнаружившей свою несостоятельность. После Корниловского мятежа стало очевидно, что «старый порядок» полностью разрушен и делегитимизирован.

³ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997, с. 205.

В стране господствовали хаос и насилие толп. В обществе нарастало желание порядка. Выдающийся российский учёный и член ЦК партии кадетов В.И. Вернадский, в своём дневнике с горечью писал: «В столице распространялось настроение, которое называли «тоска по городскому». Когда в спектакле «Живой труп» в Александрийском театре на сцену выходил актёр в полицейской форме, в зале стихийно начиналась овация, которой не видел и Шаляпин... Невозможное становится возможным, и развёртывается небывалая в истории катастрофа или, может быть, новое мировое явление. И в нём чувствуешь себя бессильной былинкой»⁴.

В середине сентября 1917 г. В.И. Ленин выступил за свержение Временного правительства. В известном письме ЦК РСДРП(б) он призвал «на очередь дня поставить вооружённое восстание в Питере и Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства». Вечером 25 октября (7 ноября) в результате вооружённого восстания власть оказалась в руках большевиков. Вскоре после разгона Учредительного собрания (февраль 1918 г.) Россия вступила в один из самых трагических этапов своего развития — Гражданскую войну. Анархия, произвол и насилие стали нормой жизни.

Насилие — движущая сила разрушительного хаоса, охватывающего все стороны народного бытия. Ещё просветители, вдохновившие своими идеями Великую французскую

⁴ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М.: Наука, 1981, с. 288.

революцию, были поражены, к каким кровавым злодеяниям привело революционное выступление масс. И если в периоды упорядоченного состояния общества право на насилие принадлежит государству, то в периоды революционных возмущений срывается «стоп-кран» с запретов, гарантировавших ранее более или менее стабильное существование общества, разрушается мораль, утрачивается ценность человеческой жизни. На поверхность из глубин коллективного и индивидуального подсознательного вырываются самые тёмные, «звериные» инстинкты, неконтролируемое насилие становится формой разрядки накопившейся энергии всеобщего отрицания.

Три года мировой войны, предшествовавшие революции, привели к тому, что в народной массе утвердилось страшное чувство: гарантией собственной жизни является смерть врага. Революция, а затем и гражданская война стали кровавым продолжением войны мировой. На пространстве огромной России все воевали против всех. И в этом всеобщем противостоянии действовала расчеловеченная «логика» революции, оправдывавшая множество кровавых жертв во имя торжества революционных идей. Среди упивавшегося вседозволенностью люмпенизированного населения распространёнными реалиями повседневной жизни стали убийство, насилие, грабёж. «Красный террор» был беспощаден, но не менее беспощадным был и противостоявший ему «белый». В условиях того и другого человеческая жизнь представлялась тем, чем можно с лёгкостью пренебречь.

Революция и гражданская война привели к разительному сокращению населения страны. Невосполнимые потери по приблизительным подсчётам составили 16–18 млн человек⁵. Страшными последствиями стали дегуманизация общественного сознания, утрата людьми устойчивых моральных ценностей и ориентиров.

В результате гражданской войны власть большевиков, подавив сопротивление имущих классов, фактически ликвидировала частную собственность и, сконцентрировав материальные и институциональные ресурсы, стала «абсолютной силой».

После завершения гражданской войны Всесоюзный съезд советов одобрил Договор об образовании СССР (30 декабря 1922 г.). Государственное строительство, осуществлявшееся большевиками, означало кардинальную смену социальной, политической и экономической систем. По существу, советской власти удалось «собрать» распадавшуюся империю и даже в чём-то продолжить её государственную традицию. Мобилизационными методами, в ускоренные сроки, невзирая на колоссальные жертвы, одним волюнтаристским «скачком» она сумела довести до конца модернизацию, эволюционное развитие которой в царской России оказалось прервано войной. «Строй, научно предвиденный, предсказанный, оплаченный многими годами борьбы, бесчисленными

⁵ Поляков Ю.А. Гражданская война: последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. 1992. № 4. С. 7–19; Степанов А.И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917–1922 гг. // Революция и человек: социально-психологический аспект / отв. ред. П.В. Волобуев. М.: Изд. центр ИРИ РАН, 1997. С. 201–222.

жертвами, в первые же десятилетия обернулся невиданной в истории автократией и бюрократией, деспотией и беззаконием, самоистреблением, неслыханной жестокостью, отчаянными просчётами в практической, хозяйственной жизни... огрублением нравов, навыками лжи, лицемерия, ханжества, самохвальства» — писал в своем дневнике А. Твардовский⁶.

После революции страна, которая кормила хлебом всю Европу, не всегда могла прокормить даже свой собственный народ. Огромные регионы оказывались без продуктов питания, и люди умирали от голода. Да, сталинская модернизация состоялась, но какими методами! С какими страшными человеческими потерями! В свое время профессор Менделеев предположил, что в середине XX века население России составит до 300 млн. Конечно, он не мог учесть будущих коллизий. Но если бы этот прогноз сбылся, наша страна была бы, конечно же, совершенно иной.

Сросшееся воедино *государство-партия* выступило организатором, руководителем и всепроникающей силой. «В мире нет таких трудностей, которые не смогли бы преодолеть большевики». Справедливости ради стоит сказать, что по большей части эти трудности были обязаны своим появлением самим большевикам. Но сплотив все входившие в него народы, мобилизовав все свои силы, это государство при поддержке союзников одержало великую победу над фашизмом. На его счету было немало и иных побед. Советский гражданин Юрий Гагарин стал

первым посланником человечества в космос. Говоря о жестокой противоречивости «советской модернизации», не стоит забывать, что Великая российская революция коренным образом повлияла на социальную и политическую практику большинства государств нашей планеты. Строительство нового мира, в котором декларировалось особое уважение к людям труда, необходимость защиты их социальных интересов, вынудили капиталистические страны обратить внимание на улучшение положения рабочих и различных категорий населения, развитие социального обеспечения, расширение горизонта гражданских прав и в перспективе — обратиться к социальной ориентированности государства. Революцией был дан мощный импульс национально-освободительному движению в колониальных странах и пробуждению национального самосознания во всех бывших колониях и полуколониях.

⁶ Млечин Л.М. Хрущёв. СПб.: Пальмира, 2016, с. 148–149.

«ДВЕ ПРАВДЫ» 1917 ГОДА

Профессор Б.Ф. Мартынов,
зав. кафедрой международных отношений и внешней политики России
МГИМО МИД России

1. «Февраль — октябрь»

Сегодня много говорится о том, что наш исторический момент отмечен возвратом к национальным контекстам. Слова партийного гимна: «Мы наш, мы новый...» начала прошлого века в конце его свободно легли на ноты сторонников «благожелательного гегемонизма», которые снова задумали разрушить «до основания» все: от суверенитета отдельной личности до суверенитета целых государств, во имя построения очередного симулякра «Рая на Земле». Но искушение глобализмом отступило перед жестокой реальностью глобальных проблем, эффективно решать которые могут только *национальные государства*. Попутно выяснилось, что сотрудничать государства могут лишь на основе *общих представлений и ценностей, которые коренятся в культуре каждой нации и специфике ее цивилизационного взросления*⁷.

⁷ Во всяком случае, многие авторы считают, что «все культуры имеют свои собственные стратегии сотрудничества» (См. напр.: Ш. Бегельсдаик, Р. Маселанд. Культура в экономической науке. М., 2016, с. 305).

На самом деле, началом конца неолиберального глобализма стал не финансовый, экономический или миграционный кризис, а слепая вера человека во всемогущество своего разума, утвердившаяся в мире со времен Возрождения. Но наш «коллективный нарциссизм» лишь подтвердил историческую максиму Гете: «Теория бледна, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет». Поэтому не стоит удивляться, что иррациональное начало во всем своем многообразии вдруг «неожиданно» вернулось в мир со «свалки истории». Оно там никогда и не было, лишь временно таясь под спудом идеологических клише.

«Наряду с целенаправленными и продуманными действиями, предпринимаемыми под воздействием человеческого разума, — писали российские ученые, — на международную систему оказывает огромное влияние природно-стихийное начало, присущая мировой системе хаотичность развития, способная в любой момент «скорректировать»

влияние человеческого разума, уничтожить плоды его упорядочивающих усилий. Если с человеческим разумом в науке сопрягается идея *организации* мира, то с понятием хаоса и стихии связывается представление о его *самоорганизации*, которая трактуется как результат нерациональных (возникших независимо от человеческого разума, но природных) воздействий»⁸.

Та, теперь уже далекая от нас, Первая мировая война стала *анофеозом* иррационального. Кто, хотя бы за год до событий августа четырнадцатого, мог подумать, что образованная Европа, накопившая колоссальные материальные и культурные богатства и достигшая высот технократического развития, будет вскоре вся опутана колючей проволокой и изрезана линиями окопов? На торжество иррационального во всемирном масштабе людям интуитивно захотелось ответить столь же глобальным *рациональным* проектом, чтобы раз и навсегда похоронить все хаотичное и стихийное в общественной и даже *личной* жизни, как злосчастный пережиток прошлого.

По всем канонам марксизма Россия не подходила для социалистической революции, о чем свидетельствовал маргинальный характер тогдашней РСДРП. Но уводя людей от личного к общественному, а от общественного — к всемирному («мировая революция»), марксизм искусно лишал человека (а вместе с ним и человечество) той иррациональной половины сознания, которую тот на-

чал считать причиной всех бед. Взамен он предлагал выстроенное по канонам «самого передового учения» («*научный коммунизм*») светлое коммунистическое будущее — царство всего осмысленного и логичного.

Российский марксизм был, однако, сугубо *российским*. «Вы его в дверь, оно — в окно», так, наверное, можно было бы изложить тезис о *единстве и борьбе двух противоположностей*: иррационального и рационального начал в душе русского человека. В своей знаменитой «речи о Пушкине» Ф.М. Достоевский сказал, что его «назначение есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное», и что быть «настоящим русским» значит «стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно»⁹. Понятие «универсальной справедливости» присуще нашему менталитету, предполагало, что полумеры — не в нашем характере. Требование «абсолютного добра для всех народов» (Н. Бердяев, Н. Лосский и пр.) не могло ограничиться февралем. По мнению Л.А. Тихомирова¹⁰, «русский человек — или монархист, или анархист. Но никогда — либерал». Монархизм в России к февралю 1917 г. оказался опорочен неспособностью купировать нарастающую революционную волну, «Кровавым воскресеньем», поражением в русско-японской войне 1904–1905 гг. и отсутствием решительных побед на фронтах мировой.

⁹ Достоевский Ф.М. Искания и размышления. М., 1983. С. 399–400.

¹⁰ Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) русский общественный деятель, в молодости — народоволец; в 1888г. отрёкся от революционных убеждений и, вернувшись в Россию после помилования из эмиграции, стал монархистом.

⁸ Современные глобальные проблемы. Отв. ред. В.Г. Барановский, А.Д. Богатуров. М., «Аспект-пресс», 2010, с. 19.

Но без царя на троне прожить, наверное, можно. А, вот без «царя в голове» — затруднительно. *От имени народа, вместо народа или вместе с народом?* Так, или примерно так, стоял вопрос перед основными политическими силами России с февраля по октябрь 17-го. Что касается нашей либерально-демократической интеллигенции, то пытаюсь выступать от имени народа, она традиционно была (и — увы! — все еще остается) удручающе *нелиберальной*, пытаюсь навязывать ему кальку с иных цивилизационно-культурных шаблонов. «Кто глупее и грязнее нас, те народ (а мы не народ). Но ни одно деление не годно, ибо все мы народ и все то лучшее, что мы делаем, есть дело народное»,¹¹ — писал А.П. Чехов. Золотые слова! Только кто же будет добровольно вставать на одну доску с теми, кого в глубине души считает «глупее и грязнее» себя? А отгородиться можно чем угодно. «Как и все социалисты в подобной ситуации («Корниловский мятеж» — Авт.), Керенский лояльность перед своей партией предпочел благу народа. Это стало его концом»¹². Трагедия осознания интеллигентского пренебрежения к «малым сим» приходит, как правило, уже после того, как все решающие битвы проиграны. Да и то, далеко не ко всем. «Узнав за долгие годы изгнания Запад, я не нашел нигде культуры более гуманной и демократичной, чем наша»,¹³ — писал Александр Федорович уже в эмиграции...

¹¹ Чехов А.П. Из записных книжек. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8, М., 1970, с. 334.

¹² Rappaport, H. Caught in the Revolution, London, 2016, p. 158.

¹³ Керенский А.Ф. История России. Иркутск, 1996, с. 200.

«*Великая и Бескровная*»? Жертвы февраля так окончательно и не были подсчитаны. По мнению сотрудников иностранных посольств и журналистов, аккредитованных в Петрограде, только в столице в те дни погибло от 4,5 до 6 тыс. человек¹⁴. К этим цифрам нужно прибавить от 80 до 100 офицеров — цвет российского Балтийского флота (включая 8 адмиралов), которые погибли от рук «революционных матросов» в Кронштадте и Гельсингфорсе. Согласно либеральной печати, эти жертвы были, всего лишь, «*платой за долгожданную Свободу*», которую, наконец-то, получила Россия! Только, вот, за соотношением «цена-качество» уследить у нас оказалось почему-то некому. Цена «Свободы» все время росла, а ее качество и объем постоянно убывали...

В дошедших до наших дней воспоминаниях современников сквозит удивление по поводу того, что привычный доселе «русский мир» с его устоявшимися привычками, традициями, культурой, религиозностью и пр., был в одночасье разрушен, как будто кто-то вынул из России ее стальной хребет. Она в одночасье стала другой, «вывернулась наизнанку», «все самое невероятное и иррациональное стало, вдруг, повседневным», а здравый смысл куда-то «испарился». Отравленные новообретенной свободой, все сразу забыли и про царя, и про войну, погрязнув в пустом ораторствовании, демонстрациях, демагогии, убийствах, грабежах и ...безделье¹⁵. Все традиции

¹⁴ Rappaport, H. Caught in the Revolution, p. 156–157.

¹⁵ Rappaport, H. Op.cit, p. 135, 146, 159.

в один миг оказались отвергнуты и забыты, и вот уже похороны жертв революции на Марсовом поле пройдут без отпевания — в ознаменование будущих десятилетий официального атеизма.

Но «праздник непослушания» по программе « $2 \times 2 = 5$ » не может длиться вечно. *Иррациональное*, чтобы закрепиться в сознании, привычках и образе жизни людей нуждается в *рациональном* обосновании и собственных властных институтах.

Что касается неудавшейся попытки военных *вместо народа* навести порядок в охваченной смутой стране, то в советском культовом фильме «Неуловимые мстители» есть один замечательный эпизод, который можно считать ключом к пониманию провала «Корниловского мятежа» и грядущего поражения белых в гражданской войне. Это — драка в ресторане во время исполнения гимна «Боже, царя храни!» Кто-то встал навтыжку, кто-то провозгласил здравицу в честь Учредительного собрания, кто-то — «ура!», кто-то — «долой!», и — началось... Что могла предложить России армия, которая потеряла свои лучшие кадры в «Великой войне» и теперь представляла из себя винегрет из монархистов, социалистов, октябристов, «левых», «правых» и пр.?

«Большевики — это единственная партия, которая имеет совершенно определенную политическую программу», — писал английский посол Дж. Бьюкенен. «Они более активны и лучше организованы, чем любая другая партия, и до тех пор, пока их политическая платформа не возьмет верх, эта страна будет пре-

бывать в состоянии анархии и беспорядка... Если демократическое правительство не сможет подавить силой Советы, единственной альтернативой ему станет правительство большевиков»¹⁶.

Сказать, что В.И. Ленин — это великая историческая загадка, значит, наверное, не сказать ничего. Французский посол М. Палеолог писал, что «лидер большевиков являл собой странную комбинацию утопического мечтателя и политического фанатика, пророка и метафизика, чуждого любому представлению о несбыточном или абсурдном, любому чувству морали, справедливости или милосердия». Палеолог считал В.И. Ленина «тем более опасным, что по имеющейся информации в личной жизни он — аскет, презирующий мирские блага, и это делает его подобием Савонаролы, Марата, Бакунина и Бланки»¹⁷. По меткому замечанию другого современника, «Ленин дал русской революции то, чего она до сих пор была лишена: он сумел оправдать насилие доктриной»¹⁸.

Парадигму «совместного» с народом бытия на начальном этапе «сдвоенной» *февральско-октябрьской* революции лучше всего удалось реализовать только большевикам-ленинцам. Их майские лозунги («мир», «земля», «свобода», «грабь награбленное» и пр.) пришлось ко двору. Предметность дилетантов восторжествовала над умствованиями политиков и расколом в военных

¹⁶ Buchanan, Sir George. My mission to Russia and Other Diplomatic Memoirs. Vol. 2. Boston, 1923, p. 188–189.

¹⁷ Приводится по: Rappaport, H. Op. cit., p. 166.

¹⁸ Dosh-Fleurot, A. Through War to Revolution. London, 1931, p. 155–156.

рядах. Доказательством стал вполне мирный, по сравнению с Февралем, захват ими государственной власти¹⁹. Слова другого британского дипломата могли бы, наверное, передать ощущения любого жителя тогдашнего Петрограда: «Сегодня утром (26 октября — Авт.) мы проснулись, обнаружив, что город оказался в руках большевиков. Власть досталась им мирно. Радостно создавать, что нигде не было слышно душераздирающих криков и беспорядочной пальбы. Временное правительство, кажется, куда-то исчезло. Только мы не знаем, куда»²⁰.

2. Брест-Версаль: «Мир народам!»

Сказать, что «народ» или «народы» везде и всегда правы — значило бы погрешить против истины. История XX века не раз доказала нам это. Искусство политика, думается, состоит в том, чтобы не отрываться от народа в решающие моменты истории, но и не плыть пассивно по течению, перекладывая всю ответственность за них на «массы». Большевикам удалось не только захватить власть в России, но и совершить нечто фантастическое: загнать иррациональную стихию народной «воли» в прокрустово ложе государственности. Отчасти это произошло вследствие накопившейся усталости людей от войны, беспорядка и анар-

хии, причем, не только в России. Во всем мире люди бросились в крайность, возомнив, что отныне лишь «разум» должен править миром.

Примером такой рациональности стал *Брестский мир* (март 1918 г.) Прекрасно ориентировавшиеся в категориях силы и власти, большевики предпочли отдать огромные территории и выплатить чудовищную контрибуцию лишь бы *не допустить народной войны с захватчиками по типу 1612 и 1812 годов*. Поднявшаяся «дубина народной войны» грозила бы им, делавшим ставку не на единство, а на *разобщение* народа («Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!» — В.И. Ленин), потерей власти. При этом вряд ли большевики могли желать гражданской войны в России в той форме, в какой они ее *действительно* получили, т.е. — со всеми смертельными рисками для себя. Одно дело — воевать против безоружных «эксплуататорских классов» (процесс неслложной ликвидации которых был прописан еще в «Коммунистическом манифесте»), другое — когда в ответ на *оскорбление чести и достоинства России* «ожил», казалось бы, уже списанная со счетов русская армия (Белое движение). Получается, что гражданская война была «запрограммирована» октябрьским переворотом и Брестским миром.

Возникнув не на *национальной*, а на «общечеловеческой» основе, марксистская доктрина была национально безадресна («пролетариат не имеет отечества») в том, что касалось завоевания власти. Однако она ставила перед людьми утопическую *цель: построение коммунистического об-*

¹⁹ «Февраль и октябрь вполне можно рассматривать как единую Русскую революцию 1917 года. В этом случае Февраль предстает как либеральный этап, переросший затем в социалистический Октябрь» (Согрин В.В. Русская революция 1917 года и перипетии мировой истории/ «Новая и новейшая история», 2017, № 3, с. 5.)

²⁰ *Rappaport, H. Op.cit.*, p. 281.

щества в планетарном масштабе. Поэтому другая половина россиян, увлекшись идеей *универсальной справедливости*, не особо задумываясь о последствиях, отправилась в поход за Синей птицей «всемирного братства».

Раскол свершился, причем не столько по «классовому»²¹, сколько по *эсхатологическому* принципу. Свой «символ веры» был как у одной, так и у другой стороны. Для одних целью стала борьба за фантом *новой «Великой России»* (правда, с непонятными пока формой правления и государственного устройства, трудовыми, земельными и пр. отношениями)²², для других — пришествие *«Светлого Коммунистического Завтра»*. Религиозные войны и войны за «ценности», как учит история, — это самые продолжительные и кровавые из всех войн. Их иррациональная «начинка» не оставляет места для колеблющихся, не предполагает снисхождения к побежденным и не устанавливает сроков давности.

В отличие от Брестского мира, расколовшего только Россию, *Версальский* (июнь 1919 г.), расколол

остальной мир. Связь между ними представляется нам весьма тесной. Получив на Востоке вместо нелюбимой, но союзнически верной России непредсказуемое государство большевиков, европейские правящие элиты в борьбе с восстановившей свои силы Германией теперь могли рассчитывать только на самих себя (что, собственно, и произошло в период с 1 сентября 1939 г. по 22 июня 1941 г.) Отсюда и основанный на страхе зашкаливающий рационализм Версаля, прямиком граничивший с глупостью. По Версальскому договору немцы оказались лишены не только территорий, вооружений и пр., но и *чувства собственного достоинства*. А униженный народ с энтузиазмом отдается первому, кто может (неважно, чем и как!) заполнить вакуум в их головах и душах. Загнанное в подполье и придавленное Версалем иррациональное начало фонтанировало харизматичным ефрейтором. При этом лидеры Англии и Франции, наверняка обуреваемые подспудным *комплексом вины* за свои «перегибы», долгое время взирали сквозь пальцы на авантюры «фюрера германской нации» пока не стало слишком поздно.

В своем апексе, однако, Версальский проект *тоже* тяготел к идеалу: созданию «мирового правительства» (пока что в лице его эмбриона — Лиги Наций). И эта сверхзадача победившей мировой либерал-демократической ойкумены по своему идеалистическому характеру, наверное, мало чем отличалась от «мировой коммуны» большевиков. Отсюда неудивительно, что и либеральный, и марксистский проект имели мно-

²¹ Всего по различным данным в результате гражданской войны в России с 1918 по 1923 гг. (с учетом жертв массового террора, а также погибших от голода и эпидемий) составило 10,5 млн. человек

По некоторым подсчетам в Красной армии служили около 43 процентов наличного к 1918 году офицерского состава (примерно 75 000 человек), в Белой же — 57 процентов. Таким образом, количество офицеров в Белой армии не слишком сильно превышало их количество в Красной (Кавтарадзе А.Г. «Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг.» М., 1988).

²² Решение всех этих вопросов откладывалось лидерами Белого движения на потом, на «после победы». Большевики же предлагали своим хоть и максимально неконкретную, но «цель», которая помогала увлечь «массы».

гочисленные точки пересечения во внешней политике²³. Одной из главных был *принцип самоопределения наций и народов* с его проекцией на новейшие времена.

3. Еще раз о «праве наций на самоопределение»

Вступление в войну Соединенных Штатов кардинальным образом изменило *ценностное содержание* мировой политики. Теперь все бывшие (и достаточно *откровенные!*) разговоры о «разделе сфер влияния», «судьбе колоний», реквизициях и контрибуциях требовалось потихоньку свернуть и заменить новыми, удобными для слуха заокеанской державы: о «моральных силах» и «порабощенных странах», о «демократии» и «правах человека». О *праве наций на самоопределение*. Смена политвокабул оказалась востребована еще и потому, что аналогичные заявления, причем в еще более радикальной форме, стали поступать с Востока (ленинский «Декрет о мире»), будоража уставших от войны солдат по обе стороны линии фронта.

В фундаментальном труде Г. Киссинджера «Дипломатия» особо интересной представляется та глава, где автор пытается ответить на вопрос: чья философия в годы вступления Соединенных Штатов на поле большой мировой политики могла лучше соответствовать их государственным интересам? Консервативная, заимствованная Т. Рузвельтом у старых колониальных империй, или новая, либеральная, которая родилась в голове

бывшего принстонского профессора? Второй вариант, основанный на нормах пуританской морали, оказался, по мнению Г. Киссинджера, гораздо перспективнее. «Ему, — пишет он о В. Вильсоне, — удалось лучше понять американцев, которые «ощущали себя отличными от других» и убедить их в том, что их «национальная исключительность» предполагает «практику распространения американского понимания свободы по всему миру». В Вильсоне Киссинджер увидел зачинателя глобального крестового похода за «демократические ценности», в результате которого «послевоенный мир стал креатурой Соединенных Штатов»²⁴. Но в то же время, как профессор, порой не чурающийся объективности, он высказал сомнение в беспристрастности США как «благожелательного полицейского», поскольку «если национальный интерес может быть легко просчитан, то альтруизм определяется только собственными дефинициями его источника»²⁵.

Два глобальных эсхатологических проекта: большевистский и либерал-демократический, разумеется, не могли не прийти в столкновение друг с другом. На этот конфликт дополнительно накладывалась извечная — *историческая и геополитическая* враждебность Запада к России, которая после 1917 г. оформилась в виде стратегии «борьбы с коммунизмом». Демагогический (а отнюдь не *демократический!*) тип сознания, утвердившийся в мировой политике после Версаля, привел к тому, что

²³ Ланцов С.А., Ланцова И.С. Внешнеполитическая программа Октябрьской революции: истоки и результаты/ Вестник РУДН, 2017, № 2, с. 240.

²⁴ Kissinger, H. Diplomacy. NY, 1994, pp. 44, 47, 55.

²⁵ Ibid., p. 46.

принцип самоопределения так и не получил нужного ему *юридического* оформления.

«Право наций на самоопределение вплоть до отделения» изначально использовалось большевиками в политических целях: для привлечения на свою сторону национальных меньшинств России (9-й пункт Программы, принятый на 2-м съезде РСДРП в 1903 г., Конституция РСФСР 1918 г., Обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока, «Декрет о Турецкой Армении» от 11 января 1918 г., и т.д.). Распад СССР заставил нас вспомнить о том, что ленинизм в свое время заложил мину замедленного действия под единство страны, организовав ее государственное устройство по *наименее жизнестойкому* — национально-территориальному признаку. Крах жестких партийно-идеологических скреп неизбежно высвободил относительно мирно дремавшую до этого энергию национализма, которая в итоге и разрушила Советский Союз. Причем ее непогашенная инерция в некоторых постсоветских государствах достигла такой силы, что отныне всем смыслом их существования стало отталкивание от корневой системы евразийской цивилизации. Абсурдизация самоопределенческого драйва на антирусской основе в странах Балтии и на Украине в ряде случаев сопровождается эффектом их ползучей нацификации.

Сегодня многие задаются вопросом: почему национальное самоопределение, появившееся на свет, как весьма «заманчивой» принцип, «в приложении к сложному и несо-

вершенному миру оборачивается несчастными последствиями»?²⁶ Американский автор Б. Як утверждает, что в нем изначально был заключен серьезный «подвох»: «Вы можете даровать группам право аннулировать имеющиеся границы государств для образования их собственных политических сообществ. Или же вы можете даровать им право контролировать территорию в имеющихся границах государств, внутри которых они проживают. Но вы не можете и то и другое сделать одновременно».

Таким образом, с легкой руки либералов и большевиков в 1918–1919 гг. в ткань международного права оказалось искусственно внедрено некое размытое *политическое понятие*, которое «дает благословение множеству конкурирующих аргументов о правах второго порядка, правах, проистекающих из притязаний, касающихся родовых земель, давнего проживания, несправедливой оккупации, несчастного обращения и так далее».²⁷ Наверное, это было равнозначно тому, как если бы в точный часовой механизм насыпали песок. Но значило ли это, что сам принцип самоопределения носил искусственный характер?

— Ни в коем случае. Ведь само его появление стало следствием беспрецедентного роста *национального самосознания* ранее колониальных или полуколониальных народов после Первой, а особенно — после Второй мировой войны. Революция в России, хоть и обернулась трагедией для нее самой, принесла этим наро-

²⁶ Як, Б. Национализм и моральная психология общества. М., 2017, с. 385.

²⁷ Там же, с. 405.

дам невиданное доселе понимание свободы, иначе и «Декрет о мире», и «14 пунктов» В. Вильсона остались бы набором благих пожеланий, а не руководством к действию для миллионов людей. Победа антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне вызвала шквал национально-освободительного движения, прокатившийся по всему миру: от Китая и Кореи до Кубы и стран Центральной Америки. Без этого очистительного шквала, который черпал свою силу, в том числе, и в «Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам», принятой ООН в 1960 году, мы бы жили сегодня не в многополярном мире, а были бы вынуждены, как и раньше, полагаться на переменчивые настроения и идиосинкразии нескольких избранных «мэтров» мировой политики.

Все это так. Но времена меняются, и меняется наше отношение к тому, что раньше воспринималось как данность. К 100-летию юбилею Великой Русской революции 1917 года мир подошел в таком состоянии, когда любая революция, где бы она ни случилась, грозит ему непредсказуемыми последствиями. Свидетельством этого — гримасы «Арабской весны» и украинского Майдана. «Лимит» на революции исчерпан не только у России. В основе практически каждой из них лежит фактор грубой силы, который в современных условиях все чаще становится контрпродуктивным. Это значит, что *лимит на революции исчерпан и у всего человечества.*

Наступает пора «инвентаризации» достигнутого людьми в рево-

люционном XX веке для того, чтобы они могли гарантировать себе поступательное развитие в *эволюционном* (хочется на это надеяться!) XXI-м. Без юридизации принципа самоопределения трудно рассчитывать на окончание безудержного процесса суверенизации и образования в мире десятков, а может быть, и сотен новых «суверенных» парцелл. Без разрешения противоречия между ним и принципом территориальной целостности нельзя, наверное, думать об укреплении авторитета ООН и международного права, о решении многих конфликтных ситуаций (в том числе — и на постсоветском пространстве), об успешной борьбе с терроризмом, бедностью, загрязнением окружающей среды и пр.

Очевидно, что для решения вопросов о том, обладает ли тот или иной народ, нация или этническая группа условиями для успешного экономического и социального развития, а их лидеры — достаточным уровнем *политической культуры* для поддержания внутренней стабильности; не повлечет ли за собой создание нового государства обострения территориальных и имущественных проблем с соседями и т.д., должны быть привлечены усилия всего международного сообщества²⁸. Но «право на самоопределение» — это всего лишь одна, пусть и крайне важная статья, «инвентаризация» которой международным сообществом давно назрела и даже, наверное, перезрела. К этому же нереализованному до сих пор списку

²⁸ Мартынов, Б. Самоопределение — необходимый ответственный подход / «Международная Жизнь», июль 1993, с. 67–73.

можно отнести и реформу Совета Безопасности ООН, и выработку определения терроризма, и проблему установления пределов «гуманитарной интервенции», и решение климатической проблемы, и модернизацию существующих договоров о морском праве, исследовании космического пространства и очень многое другое. Но можно ли добиться решения этих проблем на основе существующих международных институтов и правовых норм?

По всей вероятности — нет. Большое количество созданных к настоящему времени международных структур, как универсальных, так и региональных, разного рода формальных и неформальных организаций, форумов, фондов и пр. и пр., к сожалению, пока не могут предотвратить ни прогрессирующего падения авторитета международного права, ни углубления старых и возникновения новых глобальных проблем. Вместе мы научились лишь формулировать проблему, в лучшем случае — определять степень ее опасности для людей (например, международный терроризм). Однако согласия относительно ее *генезиса*, *характера* и, самое главное — *методов борьбы с ней*, в международном сообществе пока нет, поскольку нормы права и институты бессмысленны в отсутствие *доверия сторон*. Много, конечно же, зависит и от исторически укорененных различий в *правовых системах*, которые неизбежно накладывают свой отпечаток на правосознание людей, принадлежащих к разным *правовым культурам* и, соответственно, — на их правоприменительные практики.

Подписание Статута Лиги Наций, а потом Устава ООН не стали и не могли стать прологом к установлению «всемирного братства». Окончание холодной войны не привело к устранению разделительных линий ни в Европе, ни во всем мире. Наоборот, сегодня мы заговорили о «втором издании» холодной войны. Возможны ли *доверительные* отношения между Россией и США, США и Китаем, «Западом» и «Востоком» вообще? За 100 лет, прошедших после октября 1917-го, думается уже можно и нужно пытаться дать ответ на этот вопрос. По мнению многих, как российских, так и западных историков, Великая русская революция потому и была «Великой», что перевернула судьбу не только самой России. Вот что написал, например, в фундаментальном труде, посвященном ее 100-летию, британский историк О. Фиджес: «Эта революция определила собой конфигурацию современного мира, и мы, может быть, только сейчас начинаем постепенно выходить из ее тени. По своей сути она была не одномоментным взрывом, а целой *серией* революций, произошедших в ходе Первой мировой войны и вызвавших цепную реакцию: комплекс новых революций, гражданских, этнических и межгосударственных войн и конфликтов. Она сначала разрушила, а потом заново воссоздала империю на одной шестой части земной поверхности».²⁹ В таком случае от чего, как не от нее нам отталкиваться в наших попытках осмыслить все происшедшее с нашей страной и человечеством в XX веке с тем, что-

²⁹ *Figes, O. A People's Tragedy. The Russian Revolution*, London, 2017, p. xiii.

бы правильно предугадать перспективы развития XXI-го?

В этой связи вместо заключения хотелось бы отметить следующее. Было бы ошибкой походить к 100-летней годовщине Великой русской революции с «юбилейных» позиций: типа, дата прошла, «нужные» мероприятия состоялись, а дальше — забудьте! Но мы не имеем права забывать ни о том плохом, что было в этой революции, ни о хорошем. Ее грандиозный масштаб и неоднозначные последствия требуют от научного сообщества постоянного и многопланового изучения этого феномена, невзирая ни на какие субъективные, конъюнктурные и пр. ограничители, «внешних» среди которых сегодня, к счастью, уже почти не осталось.

Мы изложили в данном буклете лишь очень малую часть тех мыслей, которые связаны с событиями 1917 года. Их развитию и конкретизации

будут посвящены главы наших новых монографий: «Две Правды 1917-го: взгляд «изнутри» и «снаружи», выход которой запланирован на конец 2017 года и «Война, революция, мир» (2018). В них, помимо специалистов Университета МГИМО, выразили готовность участвовать ученые из других университетов Москвы и Российской Федерации. Однако наследие, оставленное 1917-м годом, разумеется, невозможно осветить полностью, и авторы, конечно же, не ставили перед собой такой задачи. Главная их цель состояла в том, чтобы отказавшись от ангажированности и односторонности, развернуть дискуссию о событиях 1917 года и направить ее в сторону решения насущных проблем. Хочется думать также, что выход этих трудов в свет даст старт появлению в России и за ее пределами новых академических исследований, всесторонне анализирующих эту тему.